

Статья опубликована на сайте Всероссийской научной Интернет-конференции «Ялта-45\16. Феномен международной дипломатии в истории военных конфликтов».

Адрес ссылки: <http://yalta-45-16.mya5.ru/materialy-dokladov/>

УДК 327.39

П. И. Пашковский

А. И. Уткин о причинах трансформации Ялтинской международной системы и дезинтеграции СССР

71 год назад на Ялтинской (Крымской) конференции, проходившей 4-11 февраля 1945 г., главы держав антигитлеровской коалиции Ф.Рузвельт, И.Сталин и У.Черчилль решили основные вопросы завершения Второй мировой войны, в сущности, сформировав Ялтинскую или Ялтинско-Потсдамскую систему международных отношений, просуществовавшую до последнего десятилетия XX века [14, с. 39-40]. Дезинтеграция СССР и крушение биполярного мира обусловили масштабную трансформацию данной международной системы, породив бурные и затяжные дискуссии относительно причин обозначенных событий, исследование которых связано с клубком противоречий, затрагивающих комплекс актуальных геополитических, социально-экономических и культурно-психологических проблем современности [1-3; 13; 15-17].

Одним из тех, кто осуществил глубинный анализ указанных сюжетов [7-12] на основе изучения значительного количества трудов западных экспертов, был выдающийся российский учёный, доктор исторических наук, профессор, признанный специалист в области истории и теории международных отношений, геополитики, всемирной истории нового и новейшего времени, автор более 70 монографий и нескольких сотен статей Анатолий Иванович Уткин (1944-2010) [4-6]. Настоящая публикация имеет целью рассмотрение причин (факторов) трансформации Ялтинской системы международных отношений и дезинтеграции СССР, выделенных и охарактеризованных данным исследователем.

В качестве первой причины разрушения СССР и последующего изменения международной системы А. Уткин обозначает «перенапряжение в гонке вооружений». Логика данного утверждения исходит из того, что СССР не мог на равных конкурировать с США в гонке стратегических вооружений, при этом расходуя на военные нужды 40 % своих исследовательских работ, до 28 %

валового внутреннего продукта и размещая аналогичное количество ракет средней дальности в Европе. Политика администраций Р. Рейгана и Дж. Буша, направленная на увеличение военных ассигнований, расширение военных исследований, включая Стратегическую оборонную инициативу (СОИ), якобы способствовала «откату коммунизма советского образца», переговорам об уничтожении ракет среднего радиуса действия в Европе, крушению берлинской стены и дальнейшему разрушению второй сверхдержавы. Как отмечает А. Уткин, по мнению некоторых американских аналитиков, особое воздействие на советских лидеров оказала категоричность США в вопросе размещения ракет среднего радиуса действия СС-20 и противопоставление Советскому Союзу своей программы размещения Першингов-2. В немалой степени усугубил эффект советского «перенапряжения» и приход к власти в ключевых государствах Европы таких «более склонных к самоутверждению лидеров», как М. Тэтчер (1979) и Г. Коль (1982), окончательно ослабивших надежды Москвы «на мир с Западом». Вместе с тем, сами американские эксперты впоследствии отмечали, что СССР в это время имел в космосе более совершенные системы. А в августе 1993 г. администрация У. Клинтона уже не скрывала, что первые результаты реализации СОИ были сфабрикованы.

Помимо этого, аргумент «перенапряжения в гонке вооружений» как причины дезинтеграции, по словам А. Уткина, порождает цепочку вопросов: почему именно М. Горбачёв был избран Генеральным секретарём ЦК КПСС; зачем впоследствии он подорвал собственную политическую базу, приведя к власти своего противника; как была сокрушена вторая экономика мира?

Доказательством правомерности подобных сомнений выступают утверждения американских исследователей, что выход советских войск из Афганистана и Восточной Европы был осуществлён значительно позже рейгановских усилий в области военного строительства (приходившихся на 1981–1984 гг.) и того момента, когда стало ясно, что американское вооружение не делает советскую переговорную позицию мягче. Противоречивость тезиса о «переутомлении» подтверждает и то, что в 1980-е гг. СССР был гораздо сильнее, чем в 1950-е или 1960-е гг., а его индустриальная база за послевоенные десятилетия выросла многократно. Поэтому возникает вопрос: как могла подорваться советская экономика в конце 1980-х гг., если она выстояла в 1940-х? Кроме того, никто пока не смог доказать, что бремя оборонных расходов в Советском Союзе в 1980-е гг. действительно возросло и существует прямая связь между американским военным строительством и коллапсом советской внешней политики.

В связи с этим многие западные специалисты полагают, что в качестве реакции Москвы на ужесточение американского курса ожидалось не отступление, а, напротив, ответное ужесточение, которое, в свою очередь, имело место в 1984 г. С учётом этого, «новая дипломатия» М. Горбачёва сформировалась вопреки наступлению США. Показательно также, что реальное улучшение двусторонних отношений началось не в период напряжённости и

расцвета рейгановского военного строительства, а к 1986 г., когда на переговорах в Рейкьявике Вашингтон смягчил риторику и практические подходы. Отсутствуют доказательства и наличия у Р. Рейгана, несколько раз вообще саботировавшего встречи на высшем уровне, продуманной стратегии действий в данном противостоянии. Следовательно, видимый пробел в обосновании влияния американского военного строительства на СССР ставит под сомнение тезис о «перенапряжении в гонке вооружений» как причине его дезинтеграции [10, с. 314-318].

Вторым фактором определяется «изначальная порочность советской системы», которая, будучи основанной на коммунистической идеологии, погибла якобы вследствие внутренних противоречий. Аргументами в данном случае являются утверждения относительно её внутренней непрактичности, неспособности дать верное направление для общественного и экономического развития в рамках современных технологий, лишения экономики стимулов роста производительности. По замечанию А. Уткина, ряд экспертов отстаивают тезис о негативной роли «российского термидора 1920-х гг.», когда революционеры были отодвинуты сталинистами, приведшими к тоталитаризму. Сторонников этой точки зрения объединяет постулат о превосходстве системы либеральной рыночной экономики над плановым коммунистическим хозяйством, первоначальный успех которого «захлебнулся» в неспособности в «закатные десятилетия» удовлетворить возросшие нужды массового потребителя. Исходя из этого, строй, базирующийся на «изначально порочной» и неэффективной идеологии, был обречён, держась лишь на «энтузиазме, помноженном на насилие».

Но подобное объяснение вызывает принципиальный вопрос: если коммунизм действительно был «болезненным извращением человеческой природы», то почему и каким образом он позволял Советскому Союзу в течение пятидесяти лет превосходить по темпам развития наиболее эффективные страны мира? Даже самые бескомпромиссные критики признают, что «советская экономика сама по себе не погрузилась во мрак»: население работало, питалось, было одето, осваивало жильё и постоянно увеличивалось. Более того, данная система позволила создать первый в мире реактор, производящий электричество, первое судно на воздушной подушке, первый спутник, реактивную авиацию, осуществить первый выход в космос и многое другое, отнюдь не свидетельствующее о научно-техническом кризисе. И даже если гипотетически представить, что «коммунизм был болен», то почему он болел так долго, «не проявляя видимых летальных черт?» [12, с. 264-265].

В-третьих, причиной крушения СССР якобы стала его «внутренняя эволюция». Приверженцы этой интерпретации придают первостепенное значение распространению с помощью радио, телевидения и других средств массовой коммуникации либеральных идей, воздействовавших на закрытое советское общество. В конечном счёте, указанные процессы приводят к возникновению своего рода среднего класса и формированию либерального

подхода к экономике, культуре и идеологии. Решающую роль «сыграло переосмысление семидесяти с лишним лет советского эксперимента», активизированное потоком публикаций о правах человека, искажении моральных и этических принципов, и дискредитировавшее советскую систему. Последнее сфокусировало реформистское движение, побудив общество «голосовать против морально коррумпированной прежней элиты» [9, с. 96-97].

При этом развитие международных контактов создало базу для формирования в СССР слоя, заинтересованного в улучшении отношений с Западом. В результате дезинтеграция Советского Союза произошла не из-за его слабости, а вследствие ожидания от Запада компенсации за свои шаги навстречу. Разделяющие данный тезис исследователи делают вывод, что именно внутренняя неудовлетворённость населения и открытые выражения массового недовольства подтолкнули советского лидера на меры, уменьшившие военную мощь его страны. В свою очередь, парирует А. Уткин, если бы это соответствовало действительности, то в рядах советской элиты виделось бы гораздо более широкое стремление реформировать государство. На деле же, кроме М. Горбачёва, Э. Шеварднадзе и А. Яковлева, советский «высший эшелон так и не выделил жрецов разрядки». И лишь с 1988 г., удалив своих политических соперников, генсек мог смело проводить намеченный курс. Немаловажная роль в этом процессе отводится советским диссидентам, во многом под влиянием которых в странах Восточной Европы к 1980-м гг. начало складываться гражданское общество. Таким образом, начатые сверху изменения получили важную поддержку снизу в лице советской интеллигенции, встретившей «гласность» с величайшим энтузиазмом [7, с. 425-427].

Четвёртой движущей силой представляется «роль личности в истории». Решающее значение в процессе окончания холодной войны, крушения советской системы и дезинтеграции СССР имела вовсе не позиция США, а действия М. Горбачёва и его ближайшего окружения. Выражаясь словами А. Уткина, «люди в Кремле потрясли базовые условия прежнего мира». Сторонники этой концепции выделяют, по меньшей мере, четыре сферы, где советский генсек сыграл ключевую роль: изменение военной политики (особенно после его выступления в ООН в декабре 1988 г., когда мир убедился в серьёзности советских намерений); отказ от признания классовых борьбы «смыслом мировой истории», выдвижение на первый план «общечеловеческих ценностей» и признание значимости ООН; отказ от поддержки марксистских режимов в «третьем мире»; изменение отношения к восточноевропейским странам и отказ от «доктрины Брежнева» [11, с. 487-508].

В этом контексте многие американские эксперты признают, что М. Горбачёв сделал «львиную долю уступок» Западу. Советский лидер не только уничтожил новейшие СС-20, размещённые в Европе в конце 1970-х и начале 1980-х гг., но и установленные в конце 1950–1960-х гг. ракеты СС-4 и СС-5. По его распоряжению были нейтрализованы ракеты, расположенные как в

европейской зоне, так и в Азии. Особенно впечатляющими стали односторонние уступки генсека в обычных вооружениях в Европе – десятках тысяч новейших танков и самолётов. Подобное нарекли так называемой «доктриной Синатры», декларировавшей, что советский лидер «шёл своим путём». Аналитики, называющие М.Горбачёва «главным автором краха СССР», отмечают его упрямство, нежелание и неспособность оценить силы национализма, авторитаризм его политического стиля, волюнтаризм при передаче политической власти республикам и другие «пороки руководства» [8, с. 12-214].

Следуя А. Уткину, в американской историографии выделяется «три школы» интерпретации роли и места личности советского генсека в истории. Первая характеризует М.Горбачёва как «проходную фигуру», инициировавшую реформы с целью укрепления личной власти. В рамках второй школы советский лидер предстаёт реформатором, который быстро сбился с пути, оказавшись жертвой масштабных перемен, будучи не в силах их контролировать. Третья школа называет М.Горбачёва подлинным реформатором, столкнувшимся с противодействием руководства коммунистической партии, что привело его к тактическим компромиссам, в ходе которых он пытался избавиться от контроля со стороны КПСС. Для успешного завершения задуманного – построения государства, базирующегося на «господстве закона» в форме конфедеративного союза из основного числа советских республик – ему якобы просто не хватило времени.

Вместе с тем, по утверждению А. Уткина, имеется группа исследователей, признающих основополагающую роль Б. Ельцина в процессе дезинтеграции СССР. Ведь во многом именно его действия привели к выходу РСФСР из Советского Союза после «сговора» с руководством Украины и Белоруссии. А росту популярности первого президента России способствовал конфликт с М.Горбачёвым, рейтинг общественного доверия которому резко падал.

Некоторые эксперты ключевой фигурой советского политического олимпа этого периода видят Л. Кравчука. Дело в том, что единое государственное образование – унитарное государство, федерация или конфедерация – без Украины являлось бы нежизнеспособным. В то же время, украинский лидер не шёл ни на какие компромиссы, добиваясь независимости своей страны. [12, с. 267-268].

Пятым фактором трансформации Ялтинской системы международных отношений в результате дезинтеграции СССР являлась «необратимая инерция, исходящая от международной обстановки», что в 1980-е гг. обязало советское руководство прибегнуть к переменам, которые не были доведены до конца вследствие жёсткой западной политики. Западные лидеры, в сущности, дали М. Горбачёву «орудие самоубийства». Иначе, задаётся логичным вопросом А. Уткин, как объяснить крах государства, в котором рабочие не бастовали, армия демонстрировала предельную покорность, союзные республики до

определённого времени думали максимум о «региональном хозрасчёте», село трудилось, интеллигенция писала и учила. Данный тезис основан на утверждении об очевидности потери советским руководством веры в будущее, его смятении и «самоубийственном поиске простых решений». Здесь проявился и «эффект бумеранга»: советская пропаганда настолько демонизировала образ Запада, что многие представители интеллигенции бросились в крайности его идеализации, теряя «историческое чутьё» и критическое восприятие действительности.

Что же явилось ключевым событием, впоследствии приведшим к разрушению СССР? Как отмечает А. Уткин, специалисты расходятся в определение такового, выделяя ряд знаковых событий: крушение Берлинской стены в ноябре 1989 г., уничтожившее ведущего экономического партнёра Советского Союза, нанеся удар по партии, бывшей не в состоянии объяснить подобной сдачи позиций; декларация суверенитета, принятая российским парламентом в июне 1990 г., что привело к ослаблению «осевого стержня страны» и запустило цепную реакцию «парада суверенитетов»; создание сепаратной коммунистической партии РСФСР летом 1990 г., поляризовавшее партийную систему, парализовав общую политическую систему страны; «экономические шатания» 1990 г., когда руководство слишком резко меняло курс (от союза с реформаторами до возвращения к прежней системе); взятие республиками на себя 1 января 1991 г. функции сбора налогов, что заставило Центр пересмотреть единый до того бюджет; избрание Б. Ельцина президентом России 12 июня 1991 г., обрекшее «страну на расхождение в отдельные национальные квартиры»; приход к власти ГКЧП в августе 1991 г., после чего атмосфера в государстве уже «не позволяла принять верный курс»; беловежские соглашения, перечеркнувшие надежды на конфедерацию или «ещё менее обязывающую форму» объединения союзных республик [7, с. 432-434].

Наконец, «комбинация факторов» – шестая причина трансформации «Ялтинского мира». Многие специалисты, по словам А. Уткина, подчёркивая сложность предмета анализа, усматривают причины дезинтеграции СССР в сочетании ряда факторов. Иначе говоря, крах второй сверхдержавы стал следствием взаимодействия определённых событий, условий, политических курсов, убеждений и даже случайностей, которые оказались «неподвластны всем попыткам обратить их вспять».

В числе наиболее значимых факторов российский исследователь, ссылаясь на американского эксперта Дж. Геддиса, отмечает столкновение технологии с экологией, коллапс авторитарной альтернативы либерализму и «общемировое смягчение нравов». Интересной, по мнению А. Уткина, представляется интерпретация данной проблемы немецким социологом Р. Дарендорфом, выделяющим такие факторы дезинтеграции советской системы, как роль личности М. Горбачёва; «коммунизм никогда не был жизнеспособной системой»; «странная история» 1980-х гг., когда «Запад обрёл уверенность в

себе». В этой связи американский историк и политолог П. Кеннеди выводит три фактора: кризис легитимности советской системы; кризис экономической системы национальных структур; кризис этнических и межкультурных отношений. Наиболее комплексный из приведённых российским учёным подходов, принадлежит американскому аналитику Дж.Брауну, определившему шесть факторов дезинтеграции Советского Союза: сорок лет замедления развития; нелегитимность коммунизма; потеря советской элитой убеждённости в своей способности управлять страной; нежелание данной элиты укреплять свою власть; улучшение взаимоотношений Востока и Запада; инициативы М. Горбачёва [12, с. 270].

Исходя из сказанного, проблема определения и объяснения причин и факторов трансформации Ялтинской системы международных отношений вследствие дезинтеграции СССР является одной из самых актуальных, многозначительных и неоднозначных в исторической и политической науках современности. На этом фоне особой обстоятельностью суждений и обоснованностью оценок выделяются исследования А.Уткина, попытавшегося обобщить и проанализировать вклад западных экспертов в дело изучения обозначенной проблемы, предложив собственные аргументированные выводы. С его точки зрения, выделяется пять основных причин разрушения второй сверхдержавы и последующих изменений международной системы: перенапряжение Советского Союза в гонке вооружений; изначальная порочность советской системы; пагубность внутренней эволюции; роль личности в истории (генсек и представители советской элиты); необратимая инерция, исходящая от международной обстановки. Однако ни одно из приведённых умозаключений не может дать комплексное объяснение обозначенным процессам. Поэтому российский исследователь, подчёркивая необходимость дальнейшего изучения указанной проблемы, отмечает в качестве шестой (эклектической) причины комбинацию разнообразных факторов, подчас причудливое сочетание которых и предопределило судьбу Советского Союза и биполярного мироустройства.

Список использованных источников

1. Глазьев С. Итоги и перспективы интеграционных процессов на постсоветском пространстве [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.glazev.ru/econom_polit/295/.
2. Ирхин А.А. Геополитические циклы Евразии и национальные интересы Украины. – Севастополь: Рибэст, 2011. – 294 с.
3. Кононов И.Ф. Трансформационный опыт Украины, России и Беларуси: поиск интерпретативных моделей // Вісник Луганського національного університету імені Т. Шевченка. Серія: Соціологічні науки. – 2010. – Т. 2., Ч. I. – № 12 (199). – С. 84-108.
4. Пашковский П.И. К вопросу о научном наследии профессора А.И. Уткина // Материалы научной конференции «Ломоносовские чтения» 2014 года и Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых

учёных «Ломоносов – 2014» / Под ред. М.Э. Соколова, В.А. Иванова, Н.Н. Миленко, В.В. Хапаева, Н.В. Величко. Севастополь, 2014. – С. 80-81.

5. Пашковский П.И. Профессор А.И. Уткин: страницы биографии классика истории и политологии международных отношений // Культура народов Причерноморья. – 2014. - № 274 – С 20-23.

6. Пашковский П.И. Светлой памяти Анатолия Ивановича Уткина // Интеллектуал. – 2011. - № 12. – С. 54-56.

7. Уткин А.И. Большая восьмёрка: цена вхождения. – М.: Алгоритм, 2006. – 480 с.

8. Уткин А.И. Измена генсека. Бегство из Европы. – М.: Эксмо; Алгоритм, 2009. – 256 с.

9. Уткин А.И. Мир после сентября 2001 года. – М.: Издатель А.В.Соловьёв, 2002. – 254 с.

10. Уткин А.И. Подъём и падение Запада. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. – 761 с.

11. Уткин А.И. Русские войны: Век XX-й. – М.: Алгоритм; Эксмо, 2008. – 528 с.

12. Уткин А.И. СССР в осаде. – М.: Эксмо; Алгоритм, 2010. – 288 с.

13. Юрченко С.В. Исторический опыт поколений как фактор изменения международных систем // Поколения в истории: ритмы духовности / Науч. ред. И.И. Кальной, А.В. Горбань. – Симферополь: Ариал, 2012. – С. 213-233.

14. Юрченко С.В. К 66-й годовщине Крымской (Ялтинской) конференции 1945 года: Размышления об уроках истории и внешней политике великих держав // Интеллектуал. – 2011. - № 12. – С. 39-42.

15. Cohen S. F. Soviet Fates and Lost Alternatives: From Stalinism to the New Cold War. – N.Y.: Columbia University Press, 2009. – 308 p.

16. Kuchins A. Alternative futures for Russia to 2017. – Washington, D.C.: The CSIS Press, 2007. – 71 p.

17. Legvold R. The Russia File. How to Move toward a Strategic Partnership // Foreign Affairs. – July/August 2009. – Vol. 88. - № 4. – P. 78-93.

Пашковский П. И. А. И. Уткин о причинах трансформации Ялтинской международной системы и дезинтеграции СССР

Рассмотрены причины трансформации Ялтинской международной системы и дезинтеграции СССР в исследованиях российского учёного А. И. Уткина. Выделено шесть причин разрушения второй сверхдержавы и последующих изменений международной системы: перенапряжение Советского Союза в гонке вооружений; изначальная порочность советской системы; пагубность внутренней эволюции; роль личности в истории (генсек и представители советской элиты); необратимая инерция, исходящая от международной обстановки; комбинация разнообразных факторов, предопределившая судьбу Советского Союза и биполярного мироустройства.

Ключевые слова: Ялтинская международная система, СССР, США, дезинтеграция, А. И. Уткин.

Pashkovsky P. I. A. I. Utkin about the Reasons for the Transformation of the Yalta International System and the USSR Disintegration

The reasons for the transformation of the Yalta international system and the disintegration of the USSR in the studies of the Russian scientist A. I. Utkin have been considered. Six reasons for the destruction of the second superpower and subsequent changes in the international system have been identified: overexertion of the Soviet Union in the arms race; primordial viciousness of the Soviet system; harmfulness of internal evolution; the role of personality in history (General Secretary and representatives of the Soviet elite); irreversible inertia that came from the international situation; the combination of various factors, which combine to determined the fate of the Soviet Union and the bipolar world order.

Key words: Yalta international system, USSR, USA, disintegration, A. I. Utkin.